

Дальневосточного отделения Российской академии наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Центр азиатско-тихоокеанских исследований
Отдел китайских исследований

**Китайский капитал на юге Дальнего Востока России:
ожидания государства и реалии взаимодействия**

Аналитический доклад

Доклад подготовлен
при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(Проект № 14-31-01253)

Владивосток

2016

Аналитический доклад стал результатом научно-исследовательского проекта «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России» (№14-31-01253), финансируемого Российским гуманитарным научным фондом. В ходе реализации проекта было проведено 66 полуструктурированных интервью с представителями власти (региональные администрации, органы местного самоуправления, территориальные подразделения федеральных органов власти) и бизнеса (руководители китайских компаний, российские директора компаний с китайским капиталом, российский бизнес, работающий в смежных с китайским бизнесом отраслях). Исследование охватило Приморский край, Амурскую область и Еврейскую автономную область. Собранные интервью, вместе с беседами с местными жителями территорий, где работали компании с китайским капиталом, легли в основу настоящего доклада. В меньшей степени, выводы данного доклада основаны на изучении документов Государственных архивов Амурской области, Приморского и Хабаровского краев.

Положения аналитического доклада были частично представлены на Ученом совете ИИАЭ ДВО РАН.

Авторский коллектив: С.А. Иванов, А.Е. Савченко, И.Ю. Зуенко, Л.Е. Козлов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Китайский капитал и статистика	5
Представления региональных властей юга Дальнего Востока о Китае и их ресурсы для привлечения китайских инвестиций	9
Китайский капитал и органы местного самоуправления	15
Консолидация китайских деловых кругов	17
Интеграция среднего китайского бизнеса в локальные сообщества (на примере Приморского края)	20
Заключение	26

Введение

После саммита АТЭС 2012 г. Москва начала сокращать финансирование программ развития Дальнего Востока. По замыслу центральной власти, компенсацией сокращения потока бюджетных денег в регион должны стать инвестиции российского и иностранного бизнеса. Для их привлечения на Дальнем Востоке создан целый ряд институтов. В 2015 г. в регионе появились первые территории опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ). Кроме этого, под влиянием общероссийского тренда улучшения инвестиционной среды, в дальневосточных регионах была создана сеть некоммерческих структур и общественных организаций, способствующих привлечению инвестиций или развитию экспорта.

Одним из возможных источников финансовых ресурсов для ускоренного развития Дальнего Востока российские власти и эксперты рассматривают Китай. Ещё в середине 2000-х гг. китайские власти обещали вложить в РФ не менее 12 млрд. долл. США к 2020 г.¹. В последнее десятилетие благодаря диалогу государств на высшем уровне реализуются крупные инфраструктурные проекты (ВСТО, увеличение поставок электроэнергии, газопровод «Сила Сибири», газопровод «Сахалин — Хабаровск — Владивосток» с возможностью экспорта в КНР). Они важны для России в целом, но фактически мало связаны с экономикой Дальнего Востока, т.к. затрагивают лишь транспортную составляющую региона. Эти проекты обеспечивали безбедное существование районным администрациям и активной части местного населения на этапе строительства инфраструктуры, но рентный доход и высокие заработки «улетучивались», когда заканчивалась стройка (Интервью, руководитель

¹ Санакоев С. От поставок сырья к — к экспорту высоких технологий // Деловой Китай. Т. VIII. М.: 2005. URL: <http://polpred.com/free/china/book.pdf> (дата обращения: 29.03.2016).

районной администрации, Приморский край, июль 2014 г.; интервью, председатель районной думы, Приморский край, август 2014 г.).

Если центральная власть и госкорпорации хороши в продвижении крупных международных проектов, то привлечение китайского капитала в более мелкие проекты – предмет заботы других игроков. В условиях отсутствия крупного доморощенного бизнеса на Дальнем Востоке и отраслей с конкурентоспособной продукцией такими игроками выступают региональная и местная² власть дальневосточных регионов. В настоящем докладе мы попытаемся раскрыть различные аспекты отношений российского государства (особенно на уровне региональной и муниципальной власти) и китайского капитала на юге Дальнего Востока России.

Китайский капитал и статистика

Важнейшим поставщиком информации об иностранных инвестициях является государственная статистика. Это важнейший источник для исследований китайского капитала на Дальнем Востоке России³. Ей оперируют все уровни власти, хотя наши интервью показали, что чем ниже уровень, тем меньше там доверия к официальной статистике.

Насколько надежны статистические данные о китайских инвестициях на Дальнем Востоке России? Статистика, безусловно, способна отразить инвестиционные потоки между крупными, обычно государственными корпорациями. Например, значительная часть вложенного в России китайского

² В России формально органы местного самоуправления не являются частью государственной власти и должны обладать автономией, представляя интересы местных жителей, однако с начала 2000-х гг. в результате политической централизации руководство поселений, районов и городов фактически оказалось встроенным в «вертикаль власти». В настоящей работе мы будем рассматривать органы местного самоуправления как продолжение государственной власти. См.: Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. №. 4. С. 130-151; Васильев В.И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // Журнал российского права. 2015. №. 9. С. 149-161.

³ Новопашина А.Н. Импорт капитала в регионы России (на примере прямых китайских инвестиций). Дисс. ... канд. эконом. наук. Благовещенск, 2015. 182 с.; Рыжова Н. П. Инвестиционная компонента модели корпоративной интеграции Китая и России // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 24-38.

капитала относится к категории «прочих инвестиций» - это кредиты, выданные китайскими банками российским госкорпорациям нефтегазового сектора, в том числе ведущих свою деятельность на Дальнем Востоке России. К началу 2014 г. сумма таких инвестиций достигала 30,5 млрд. долл. США⁴. Их легко проверить и подтвердить достоверность.

Задача усложняется, если говорить о прямых иностранных инвестициях, т.е. о том капитале, который дает возможность иностранному собственнику принимать участие в управлении компанией, и который является мерилем инвестиционного сотрудничества во всем мире. Здесь вердикт благонадежности данных статистики будет только один - «недостоверны». Китайские прямые инвестиции на юге Дальнего Востока представлены в большом количестве в микро, малом и среднем бизнесе отдельных отраслей региона, а данные формы предпринимательства, безусловно, менее открыты для государственного контроля. В качестве примера приведём сравнительную таблицу двух базовых показателей деятельности компаний самой активной на Дальнем Востоке китайской провинции – Хэйлуцзян. Официальные данные этой провинции по инвестициям значительно расходятся с российскими, а заявленные масштабы участия в сельском хозяйстве Дальнего Востока вызывают, как минимум, удивление.

Таблица 1. Сопоставление данных хэйлуцзянской и российской статистики инвестиционной и деловой активности⁵

Китайская статистика	Российская статистика
Инвестиционная активность предприятий провинции Хэйлуцзян в России, в основном на Дальнем Востоке и в Сибири	Инвестиционная активность предприятий с китайским капиталом в России (на Дальнем Востоке)

⁴ <https://www.fedstat.ru/indicator/31229>

⁵ Составлено по: Посевные площади сельскохозяйственных культур // <https://www.fedstat.ru/indicator/31328>; 黑龙江对俄境外农业开发面积今年将达 850 万亩 // <http://www.mofcom.gov.cn/article/resume/n/201603/20160301268361.shtml>; https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx;

Объем накопленных в России хэйлунцзянских прямых инвестиций, к началу 2016 г.	4170	1683 (61)	Объем накопленных к началу 2016 г. китайских прямых инвестиций, млн. долл. США
Деловая активность хэйлунцзянских предприятий в сфере лесного и сельского хозяйств, в основном на юге Дальнего Востока и в Забайкальском крае		Показатели общих посевных площадей и земель лесного фонда на юге Дальнего Востока и в Забайкальском крае	
Посевная площадь арендуемых в России сельскохозяйственных земель (в основном на Дальнем Востоке России), тыс. га, 2016 г.	566	1935 (статистика не ведется в разрезе форм собственности предприятий)	Посевная площадь Дальнего Востока в 2016 г., тыс. га

Существует несколько препятствий для сколько-нибудь точной количественной оценки китайских инвестиций на юге Дальнего Востока:

- во-первых, существуют технические проблемы учета иностранных инвестиций. До недавнего времени в России существовало два ведомства, занимающихся оценкой иностранных инвестиций: Росстат и Банк России. Однако статистическое ведомство прекратило публикацию данных с 2014 г. и передало эту функцию финансовому институту из-за многократной разницы цифр, вызванной отличиями в методологии⁶. Например, по состоянию на 01.01.2014, по данным Росстата, общий объем накопленных в России прямых инвестиций из КНР составлял 1,67 млрд. долл. США, по данным ЦБ РФ – 4,54 млрд. долл. США⁷. Цифры Росстата показывали, что в пяти южных регионах Дальнего Востока к началу 2014 г. было накоплено инвестиций объемом 196 млн. долл. США⁸, Банк России на начало 2015 г. давал более низкие данные – 62 млн. долл. США⁹. Утверждается, что расчеты ЦБ намного точнее, т.к. банк использует строгую отчетность по конкретному списку наиболее крупных и

⁶ Носкова Е. Закрыто на учет // Российская Бизнес-газета. 2012. №856 (27). URL: <https://rg.ru/2012/07/24/investicii.html>

⁷ https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_in_country_1.xlsx

⁸ <https://www.fedstat.ru/indicator/31231>

⁹ https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx

постоянно действующих предприятий¹⁰. Но ниже нами описаны подводные камни, которые и Банк России не может обойти.

- во-вторых, если взглянуть на вышеуказанный перечень опрашиваемых Банком России предприятий, то окажется, что учесть страновую принадлежность первоначального инвестора нередко просто невозможно. Например, ООО «Компания «Армада», крупнейшая сельскохозяйственная компания с китайским капиталом на Дальнем Востоке, учитывается в статистике ЦБ РФ, но фактически китайский инвестор¹¹ направил инвестиции из Китая через два оффшора («панамское досье» показывает, что сначала через Гонконг, а потом через Британские Виргинские острова¹²). Есть и более экстравагантные случаи. Например, Российский фонд прямых инвестиций, принадлежащий Внешэкономбанку, вместе с Китайской инвестиционной корпорацией, купили 42% акций Russian Forest Product Group, крупнейшего холдинга в лесной отрасли Дальнего Востока¹³ (контролирует более 20% всего арендуемого лесного массива на Дальнем Востоке), но капитал поступил через кипрскую фирму¹⁴. Соответственно и ООО «Компания «Армада» и Russian Forest Product Group будут отчитываться не китайскими инвестициями, а инвестициями из Британских Виргинских островов и Кипра.

- в-третьих, не всегда предприятие с китайским капиталом (ПКК) полностью контролируется китайским инвестором или, наоборот, существует практика создания предприятия через российское физическое лицо. В этих случаях существует несколько вариантов отношений собственника и директора, и не всегда возможно оценить, насколько предприятие контролируется

¹⁰ Носкова Е. Закрыто на учет // Российская Бизнес-газета. 2012. №856 (27). URL: <https://rg.ru/2012/07/24/investicii.html>

¹¹

<https://egrul.nalog.ru/download/BB8D977ABE58F1566F6C7363374636FEF601D186E690F9359D001B70706033889F307CC5C53399B899BB18F31FA43C7EB3BD4A9C46BF9229F8E45664D9B5E905>

¹² Rus-Agri Industries Inc. // <https://offshoreleaks.icij.org/nodes/10152284>

¹³ Российско-китайский инвестиционный фонд стал владельцем 42% акций холдинга RFP Group // <http://rdif.ru/fullNews/463/>

¹⁴

<https://egrul.nalog.ru/download/FEB32C704CF5F3AAB69DDC8BC2E281F06877E33DEE9C5DBB01F53CBF2829BFF0743AA4BCA86D1E89D804C656AFE175DD11C4712EEEEF0E18ADF5DFA99DDF891C>

китайским инвестором. Приведем лишь три примера из наших интервью. А) Все интервьюируемые нами российские управляющие ПКК параллельно руководили компаниями, учрежденными на свое имя без китайского инвестора, но дела вели единым «холдингом». Б) Китайский бизнесмен может почти не появляться в России, регулярно платить зарплату российскому директору за управление ПКК, но одновременно российский управляющий ведет собственный, более мелкий бизнес. В) Китайский предприниматель может взять в долю своей ПКК российского бизнесмена с более серьезными экономическими позициями и передать ПКК под управление последнего.

- в-четвертых, не очевидно, что респондент всегда предоставляет достоверную информацию. Органы местного самоуправления, знакомые с ситуацией на местах и способные примерно сравнить получаемые данные статистики с прямой «информацией с полей», в основном заявляли нам в интервью о занижении данных статистики ПКК. Наше интервью с представителем руководства одного из территориальных управлений Росстата на юге Дальнего Востока показало, что органы статистики были не в состоянии проверить достоверность предоставляемых цифр, и за все время его управления не было возбуждено ни одного административного дела за передачу ложных сведений. Возможно, у Банка России больше рычагов проверки собираемой информации, но и здесь вряд ли можно выявить долю недостоверной информации.

Представления региональных властей юга Дальнего Востока о Китае и их ресурсы для привлечения китайских инвестиций

Региональные власти и власти крупных городов юга Дальнего Востока рассчитывают на приход крупного китайского капитала. Им не интересны сотни мелких предприятий, слишком мобильных, часто недолговечных и плохо контролируемых, на базе которых сложно создать «точки роста» или

«кластеры». Как ответил один из руководителей крупного города на вопрос о перспективах китайских инвестиций, «перспективы мы связываем прежде всего с крупным капиталом, преимущественно в форме государственно-частного партнерства» (интервью, глава управления администрации крупного города на юге Дальнего Востока, май 2014 г.). Соответственно и видение региональных администраций китайских инвестиций преимущественно стратегическое.

Если рассматривать стратегии¹⁵ южных регионов Дальнего Востока России как единый текст, то Китай упоминается в нем на порядок чаще, чем любое другое государство. Более внимательный взгляд на все стратегии развития показывает, что по отношению к Китаю у региональных администраций существует система представлений, в то время как другие соседи больше выступают в роли «статистов»: упоминаются при перечислениях потенциальных партнеров или в отчетах о торговле и инвестициях.

На инвестиционное сотрудничество с Китаем надеются все администрации юга Дальнего Востока, кроме Хабаровского края, который не выделяет страновых или региональных приоритетов в привлечении иностранного капитала. Однако, инвестиции не единственное преимущество, которое видят региональные власти в Китае (см. Таблица 2). Например, Приморье ждет от него одновременно: и рабочую силу и инвестиции. У ЕАО можно найти самый широкий набор выгод от близости и тесного взаимодействия с Китаем. Это и инвестиции, и потенциальная производственная кооперация, и рабочая сила, и

¹⁵ Такой выбор источника для анализа обусловлен несколькими причинами. Во-первых, документы долгосрочного планирования есть у всех дальневосточных территорий. Во-вторых, они идентичны по причине появления, задачам (обеспечить системное, устойчивое и долгосрочное развитие территории) и структуре. В-третьих, их форма предполагает «глобальный» взгляд на свой регион и мир, нивелирующий личные пристрастия отдельных чиновников. Все эти факторы позволяют провести типологизацию и сравнительный анализ официальных представлений о роли Китая и его инвестиционных возможностей для развития регионов. Мы, безусловно, учитываем, что стратегии, схемы и программы развития регионов за редким исключением разрабатываются не властями, а «экспертами». Тем не менее, власти обычно задают базовые принципы и идеи будущих документов и затем санкционируют их, тем самым соглашаются с тезисами, которые заложены в этих документах.

инновации, и источник грузов и людей для реализации транзитной и туристической отраслей региона.

Чаще всего власти ТР видят в близости к Китаю одновременно и риски и возможности. В стратегических документах, Китай может выступать препятствием индустриализации дальневосточных регионов, но одновременно сотрудничество с ним может способствовать развитию местной промышленности за счет инвестиций и развития кооперации. Близость к Китаю дает возможность развивать транзитный потенциал региона, но одновременно, по мнению администраций двух наиболее развитых регионов ДВ, превращение их территорий в транзитную зону для китайских товаров несет в себе политические и геополитические риски.

Набор рисков, которые несет в себе близость с КНР, сильно размыт (см. Таблицу 1). Администрация ЕАО в принципе уверена, что китайские власти проводят специальную политику по включению их территории в зону своих экономических интересов. Интересно, что подобные идеи не прослеживались в ходе интервью, которые мы проводили в области. Для многих администраций областей и краев Китай – это конкурент в деле привлечения инвестиций, развития промышленности, транспортных перевозок и сельского хозяйства. Другими словами, региональные власти юга Дальнего Востока убеждены, что из-за географической близости к КНР сложно привлекать иностранный капитал.

Вся сложность и вариативность представлений региональных властей Дальнего Востока о Китае отражена в стратегии развития Еврейской автономной области до 2020 г. В ней указывается, что стратегически мыслящее руководство Китая нацелено на выкачивание природных ресурсов из Дальнего Востока и экспорт трудовых ресурсов, использование региона в качестве транспортной площадки для продвижения на другие рынки, но одновременно

без взаимодействия с КНР региональное развитие невозможно¹⁶. Цель этих официальных репрезентаций – не создать четкую систему использования возможностей и отражения рисков соседства с КНР, а показать в какой сложной геополитической и геоэкономической ситуации приходится работать дальневосточным чиновникам, призвать Москву к стратегическому мышлению (проявлением которого, как правило, выступает рост финансовых вливаний из Центра), столь свойственному, по мнению многих в России, китайским властям.

У администраций субъектов Федерации не так много возможностей, чтобы привлечь иностранных инвесторов. Среди доступных им мер: сокращение региональных налогов, предоставление субсидий и гарантий под кредиты, софинансирование при строительстве базовой инфраструктуры, оказание консалтинговых услуг. Наш анализ архивных документов исполнительной и законодательной власти в Амурском области и Приморском крае за 1990-е и первую половину 2000-х гг. показал, что во внешнеэкономической сфере регионов такие меры системно никогда не применялись [ГААО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 5617—5618; Оп. 2. Д. 5627, 5628, 5655, 5656, 5684, 5685, 5718, 5719, 5720, 5757, 5792, 5838; Оп. 21. Д. 43—47; Р-81. Оп.21. Д. 1115, 1114; ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 2, 6, 21, 39, 70, 84, 181, 200, 303, 321, 322, 421, 437, 438, 544, 563, 564, 676, 695, 696, 814, 832, 943, 962, 963, 1071, 1084, 1164; Оп. 4. Д. 50а, 64а, 66а, 261а, 233а, 235; 6]. Исторически, работа по привлечению иностранных инвестиций как объект экономической политики в субъектах РФ фактически отсутствовали. В настоящее время местные администрации в условиях высокودотационных бюджетов ещё более ограничены в применении этих механизмов поддержки.

Меры административного регулирования — участие в квотировании иностранной рабочей силы, выдача лицензий на лесопользование, передача в

¹⁶ Постановление Правительства Еврейской автономной области от 20 марта 2012 г. N 118-пп "О Стратегии социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2020 года" // База Гарант.

аренду сельскохозяйственных земель и другие полномочия — могут временно стимулировать или ограничивать деятельность конкретных компаний или компаний определённого государства¹⁷, но нам не известны случаи их долгосрочного системного применения по отношению к компаниям с иностранными инвестициями.

¹⁷ Например, в 2015 г. общее сокращение квоты на иностранную рабочую силу в Приморском крае не коснулось северокорейских трудовых мигрантов, хотя других работников из-за рубежа, в т.ч. из КНР, это изменение затронуло (Интервью. Представитель федерального органа государственной власти в Приморском крае. Владивосток, февраль 2015 г.).

Таблица 1. Представления региональных администраций о Китае как факторе регионального развития¹⁸

Регион	КНР как источник возможностей	КНР как источник рисков/угроз
Приморский край	<ul style="list-style-type: none">• Источник дешевой рабочей силы• Потребитель природных ресурсов• Источник инвестиций• Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края	<ul style="list-style-type: none">• Источник политических рисков (особенно в случае превращения Приморья в транзитную зону для китайских товаров)• Препятствие для индустриализации края
Хабаровский край	<ul style="list-style-type: none">• Потребитель природных ресурсов и электроэнергии• Потенциальный потребитель промышленной продукции	<ul style="list-style-type: none">• Конкурент в области транспортных перевозок• Источник геополитических рисков (особенно в случае увеличения китайского транзита и экспорта в Китай российских энергоносителей)
Амурская область	<ul style="list-style-type: none">• Источник инновационного развития края• Потребитель электроэнергии• Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края• Потенциальный потребитель экспортоориентированной продукции области• Источник современных технологий, оборудования, инвестиций для развития новых производств	<ul style="list-style-type: none">• Конкурент с более льготными условиями для инвесторов• Конкурент в области сельского хозяйства• Источник угрозы вытесняющей миграции за счет притока граждан КНР
ЕАО	<ul style="list-style-type: none">• Источник дешевой рабочей силы• Источник инвестиций• Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края• Потенциальный потребитель воды области• Близость к Китаю позволяет реализовать туристический потенциал края• Привлекательный партнер для налаживания производственной кооперации	<ul style="list-style-type: none">• Конкурент в области туризма• Источник угрозы экологической и продовольственной безопасности региона• Источник угрозы избыточной, вытесняющей миграции на территорию Дальнего Востока• КНР проводит политику на: 1) поощрение ввоза сырья и продукции с низкой степенью переработки, 2) вывоз своей промышленной продукции, 3) трудоустройство за рубежом низкоквалифицированных кадров; 4) аренды российских пахотных земель; 5) максимальное снижение барьеров для вывоза в область товаров и людей• Источник угрозы нелегального освоения лесных ресурсов области• Источник угрозы применения китайскими трудовыми мигрантами земледельческих технологий, приводящих к полному истощению земель• Источник угрозы снижения транзита грузов через территорию области из-за развития Китаем альтернативных транспортных путей из Азии в Европу.• Источник угрозы снижения качества жизни населения в силу конкуренции с китайскими мигрантами и ухудшения экологии

¹⁸ Стратегии и программы регионального развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья в системе База Гарант. - URL:<http://ivo.garant.ru>.

Китайский капитал и органы местного самоуправления

Наиболее тесные связи складываются между китайскими предпринимателями и органами местного самоуправления. Последние хорошо осведомлены о формальной и неформальной деятельности первых на подведомственной территории, но в силу объективных причин лишены возможности строго контроля. В настоящее время некоторые районные администрации пытаются создать систему общественных и межведомственных комиссий, которые бы занимались проверкой деятельности предпринимателей (не только китайских) в сельском хозяйстве.

У органов МСУ мало стимулов и тем более ресурсов для обеспечения устойчивого развития инвестиционных проектов. Формально с экономической деятельности ПКК они получают плату за аренду с земли и НДС с сотрудников компаний. В целях увеличения сборов в местные бюджеты, в некоторых районах юга Дальнего Востока ставка аренды сельскохозяйственных земель за последние два-три года (2014-2016 гг.) выросла в несколько раз, хотя до этого несколько лет не повышалась. В случае с НДС, который во многих районах составляет 50-90% всей собственной налоговой базы, предприятия с китайским капиталом (ПКК) не являются привлекательными для местных администраций, т.к. склонны нанимать китайскую рабочую, которой официально выплачивают низкую заработную плату, которая соответственно предполагает низкие налоговые отчисления. Но в большинстве районов нет альтернативы китайскому бизнесу. Показательно высказывание главы одного из районов Приморского края: *«... дайте мне еще одну такую космическую часть, еще лучше две таких космических... и я скажу, мне ни одного китайца здесь не надо. Потому что сегодня контрактник в армии, зарабатывает не менее тридцати с лишним тысяч рублей, в самом худшем варианте. Офицеры*

70-80 тысяч и так дальше» (руководитель района, Приморский край, июль 2014 г.).

Но у органов МСУ есть определенные рычаги давления на ПКК. Во-первых, от них обычно зависит решение важнейших вопросов: аренды земли и разрешений на строительство. Во-вторых, от их воли также зависит частота проверок контролирующих органов: местное население, которое является базовым информантом о нелегальных практиках предпринимательства, обычно обращается с жалобами на китайских бизнесменов или фермеров в поселковые или районные администрации, которые передают информацию в Роспотребнадзор, Россельхознадзор и т.д.

Местные власти используют имеющиеся у них рычаги не для повышения инвестиционной привлекательности территорий. Будучи дотационными, они не могут позволить себе такой роскоши. Вместо этого, местные администрации стремятся использовать материальные ресурсы ПКК для улучшения социального пространства села или города. Не было ни одного исследованного нами района, в котором ПКК не участвовали бы: спонсировании местных спортивных команд, в облагораживании городской территории, в отсыпке дорог или предоставлении техники при ремонте теплосетей. Одна из историй предоставления такой помощи особенно показательна. В 2013 г. президент РФ обратил внимание правительства и региональных администраций на проблему нехватки фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), и администрация Приморья активно откликнулась на призыв, разработав соответствующую программу. Один такой ФАП профинансировала ПКК: *«Помогают. Однозначно помогают. В частности N (прим. авт. ПКК) помогает. В прошлом году... в позапрошлом, может, слышали, началась такая эпопея – программа развития здравоохранения в Приморском крае, строительство ФАПов. Взять, к примеру, населённый пункт S, там построили ФАП. Более чем полмиллиона*

денежных средств только на это потратила N» (интервью, председатель районной думы, ПК, август 2014 г.).

В стремлении органов МСУ использовать экономические ресурсы ПКК для решения социальных проблем, сами управляющие ПКК не видят предвзятости, так как аналогичные практики применяются ко всем остальным компаниям сёл и городов. Реакция на вопрос о вынужденной социальной нагрузке варьируется от «мы же здесь живем и работаем» до «ну вы же сами знаете ответ». Иногда управляющие предприятий самостоятельно обращаются в администрацию для распределения по социальным объектам своей продукции, которую не успели сбыть к сезону (интервью, управляющий ПКК-2, Приморский край, июль 2014 г.; интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Консолидация китайских деловых кругов

Наиболее эффективным механизмом взаимодействия с региональными и местными властями для отстаивания своих интересов гипотетически является консолидация китайского бизнес сообщества. Как показывает наше исследование, попытки китайских предпринимателей объединиться были и в Приморье и в Амурской области (нам не известно о таких попытках в ЕАО или Хабаровском крае). Но эта консолидация практически не проецировалась на региональную политическую систему. Для более четкой иллюстрации этого тезиса остановимся на примере Приморского края.

Единственная социальная группа, которая пыталась консолидировать китайское сообщество Приморья, была представлена малыми китайскими предпринимателями Владивостока. Руководители небольших внешнеторговых организаций, ресторанов китайской кухни и гостиниц нередко обладали связями с китайскими чиновниками, необходимыми финансовыми ресурсами и тем самым «человеческим капиталом», который так необходим для

проникновения в публичную сферу. Члены этой социальной группы постоянно проживали в Приморье с начала 1990-х гг., нередко находились в смешанных браках, некоторые имели российское гражданство.

Впервые эта прослойка китайского сообщества во Владивостоке вышла в публичное пространство региона в 2000 г. С этого года предприниматель Сюэ Хуэйлинь стал издавать на русском и затем китайском языке газету, которую, по его же словам, «поддерживала дальневосточная китайская диаспора»¹⁹. Нам не известно, в чём именно выражалась эта поддержка, но предприниматель самостоятельно наполнял её содержание, занимался вёрсткой и изданием.

Через несколько лет появились первые общественные организации, объединяющие китайских бизнесменов Приморья. В 2004 г. были учреждены сразу две подобные структуры – «Ассоциация китайских предпринимателей Приморья» (Ассоциация) и «Союз российско-китайских предпринимателей Приморья». Их костяк был неизменен – уже упоминавшийся нами Сюэ Хуэйлинь, владелец сети ресторанов во Владивостоке Сунь Лэй и предприниматель Сунь Ли. Организации оказывали консалтинговые и юридические услуги китайским предпринимателям, хотя оценить эффективность этой работы не представляется возможным. В публичном пространстве Приморья Ассоциация известна лишь проведением ежегодных чествований ветеранов Владивостока.

Жизнь вышеуказанных организаций и органов печати не продлилась более десяти лет: и газета «Восточный мост» (2010), и «Союз российско-китайских предпринимателей Приморья» (2007), и Ассоциация (2014) прекратили своё существование. Им на смену ничего не пришло, хотя каждый из предпринимателей продолжил прежний бизнес или открыл новый. Газета была закрыта из-за убыточности²⁰. Общественные структуры, скорее всего,

¹⁹ Русс Н. Не расплескать свою душу // Окно в Азиатско-Тихоокеанский регион. 2014. № 2. – С. 37.

²⁰ Русс Н. Не расплескать свою душу // Окно в Азиатско-Тихоокеанский регион. 2014. № 2. – С. 37.

стали не нужны их инициаторам, а без инициатора они не могли существовать из-за организационной рыхлости. Например, за год до самоликвидации, Ассоциация состояла из 20 членов и по внешним признакам не имела иерархии и отдельного бюрократического аппарата: помимо руководителя все её остальные члены являлись заместителями²¹. Один из основателей в конце 2000-х гг. так оценивал деятельность этих НКО: «Китайцев много, но все по отдельности. Здесь пытались, я даже пытался создать [общественную организацию]. Некоторые люди (своим составом) собираются постоянно, но они тоже не общаются с другой частью китайцев. Поэтому, как таковой, диаспоры организованной здесь нет»²².

Ситуация в Приморье очень сильно напоминает опыт китайских общественных структур в Амурской области: «Формальных организаций (*прим. авт.* китайских НКО в Благовещенске) нет. Были попытки создать, но это, скорее, были псевдо-структуры, из одного-двух человек» (интервью, руководитель деловой общественной организации Амурской области, Благовещенск, май 2014 г.). Очевидно, утверждение, что «в крупных городах за Уралом существует по несколько китайских общественных организаций»²³, к настоящему времени утратило свою актуальность, или как минимум требует постоянной проверки.

Уверенность российских СМИ в тесной связи китайского государства и предпринимателей не подтверждается различными источниками. Сюэ Хуэйлинь рассказывал в интервью: «Китайские дипломаты стараются не вмешиваться в диаспору, не вмешиваться в отношения между местными китайцами и обществом, не вмешиваться в политику местной власти. Короче,

²¹ Лю Жунбинь, Ван Ин. До лице, ху цзуньчжун, сян вэйлай = Понимание, взаимное уважение и устремлённость в будущее // Хэйлунцзян цзинцзи бао. 29.08.2013. № 5976. – С. 1.

²² Цит. по: Козлов Л.Е. Этнические общины в политическом процессе Приморского края // Международные отношения и мировая политика: азиатско-тихоокеанский регионализм: сб. науч. ст. / науч. ред. Л.Н. Гарусова; под общ. ред. Н.В. Петровой. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. – С. 166.

²³ Ларин А.Г. Китайская миграция в России. История и современность. М.: ИДВ, 2009. С. 158.

они сейчас делают своё офисное дело – и больше ничего»²⁴. Представитель одной из российских федеральных структур, тесно контактирующих с консульскими службами КНР, подтверждает вышесказанное: «Если брать китайцев, то они в принципе ни к кому не обращаются, даже в хабаровское генконсульство и отделение во Владивостоке» (интервью, представитель федерального органа, Владивосток, февраль 2015 г.). Китайский консул также утверждал, что у Владивостокского отделения отсутствуют устойчивые связи с местным бизнес-сообществом и предполагал, что китайские предприниматели в случае необходимости, скорее всего, обращаются сразу в генконсульство КНР в Хабаровске (Интервью, представитель консульской организации КНР, декабрь 2014 г.).

Интеграция среднего китайского бизнеса в локальные сообщества (на примере Приморского края)

С середины 2000-х гг. действительностью Приморья стали так называемые «российско-китайские промышленные/торгово-экономические парки» и «сельскохозяйственные базы». Эти термины специально взяты в кавычки, так как в такой формулировке они в основном известны китаеязычному сегменту информационного пространства. Обычно их создавали китайские предприниматели, ранее занимавшиеся оптовой приграничной торговлей (металл, древесина, продовольствие и т.д.) и решившие диверсифицировать активы. В сельском хозяйстве Приморья позиции средних предприятий с китайским капиталом (ПКК) очень крепки. Одно входит в число крупнейших агрохолдингов края. В сфере промышленности китайский капитал занимал свободные ниши и в настоящее время безраздельно там доминирует (производство обуви и одежды, паркетной доски). В своём анализе мы будем в

²⁴ Цит. по: Козлов Л.Е. Этнические общины в политическом процессе Приморского края // Международные отношения и мировая политика: азиатско-тихоокеанский регионализм: сб. науч. ст. / науч. ред. Л.Н. Гарусова; под общ. ред. Н.В. Петровой. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. – С. 168.

основном опираться на опыт трёх таких ПКК. Эти компании официально зарегистрированы в России, работают в «белую» и сформировали холдинги, функционирующие сразу в нескольких отраслях экономики Приморья. Этим они сильно отличаются от множества малых фирм или тем более микро-предприятий, не имеющих официального юридического статуса или хозяйствующих преимущественно в «тени». Их учредителями являются либо граждане КНР, либо китайские компании (иногда с долевым участием российских бизнесменов), либо фирмы из оффшорных юрисдикций. Эти предприятия отличаются чётким зонированием пространства своей хозяйственной деятельности, которое также включает в себя всю инфраструктуру, необходимую для проживания трудовых мигрантов (общежития, столовые и т.д.).

Такие компании имеют значительные экономические ресурсы. Сельскохозяйственные ПКК неплохо интегрированы в локальные хозяйственные структуры, являясь, по выражению одного из управляющих ПКК, «градообразующими предприятиями в деревне» (интервью, управляющий филиала ПКК-3, Приморский край, июль 2014 г.). Можно ли в этом случае ожидать, что их экономические ресурсы будут вложены в политическое или культурное пространство локальных сообществ?

Инаковость ПКК не проявляется в социальном и культурном пространстве сёл и городов. Китайские рабочие почти не покидают пределы зон, так как в этом нет прямой необходимости: помимо общежитий и столовых там есть вся базовая инфраструктура для жизни и отдыха – баскетбольные кольца, элементарные тренажёры, медпункт и т.д. Культурная жизнь соответственно также ограничивается пространством зон. Мы не можем судить о ней глубоко, т.к. в основном её качественные характеристики нам не известны. Косвенные данные свидетельствуют о её скудности. Например, «русские» управляющие знают о ней крайне мало, в принципе не соотносят

кадровую политику с социальной и культурной жизнью подчинённых. Даже в наиболее крупном промышленном парке с наибольшим количеством трудовых мигрантов из КНР, каких-либо специальных праздничных мероприятий проводится. Иногда российское законодательство не позволяет отмечать их в китайской традиции: «...Здесь раньше фейерверки были, сейчас все это запретили уже. Ну, а таких (*прим. авт.* гуляний) нет... Тренируются, бегают, здесь зарядку делают» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Консолидация между предприятиями не является обязательным условием существования бизнеса в России. Например, обувные предприятия, несмотря на бурное развитие с середины 2000-х гг., не оставили в китайском или российском информационном пространстве следов о попытках самоорганизации. Два крупнейших предприятия, работающие на расстоянии одного километра друг от друга и явно не конкурирующие друг с другом, не имели устойчивых связей, просто потому что между владельцами «кошка пробежала» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Между сельскохозяйственными ПКК Приморья существуют попытки консолидации, но... для лоббирования своих интересов в Китае. ПКК Приморья инициировали и возглавили в октябре 2012 г. некоммерческую организацию – «Хэйлунцзянская ассоциация сельскохозяйственных предприятий в России»²⁵, но учреждена она в провинции Хэйлунцзян, соседнем с Приморьем регионе КНР, и в России формально не осуществляет деятельность. В её состав могут входить только легально работающие предприятия или индивидуальные предприниматели с хорошей репутацией,

²⁵ Ван Ин. Сешоу хэцзо, гунчуан хуэйхуан. Фан хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй хуэйчжан ли дэминь = От сотрудничества к совместному процветанию. Интервью с председателем Хэйлунцзянской ассоциацией сельскохозяйственных предприятий в России Ли Дэмином // Хэйлунцзян цзинци бао. 06.09.2013. № 5994. – С. В01.

обрабатывающие не менее 500 гектаров в РФ²⁶. Попечительский совет ассоциации представлен хэйлунцзянской бюрократией, курирующей внешнеэкономическую сферу.

Возникновение такой организации в Китае не связано с какими-либо экспансионистскими проектами, хотя её участники декларируют амбициозные планы превращения в основного сельхозпроизводителя Дальнего Востока РФ. Ее появление также нельзя рассматривать и как реакцию на давление российского государства, т.к. в России эти предприятия не выступают с консолидированной позицией в публичном пространстве. Причина лежит в плоскости отношений этих предприятий с китайским государством. Крупные ПКК в Приморье зависимы от финансовых ресурсов, циркулирующих в государственном секторе КНР, поэтому консолидация предприятий и установление прочных личных и символических связей с хэйлунцзянской бюрократией необходимы, прежде всего, для лоббирования своих интересов в госструктурах, или как написано официально в уставе – «вносить предложения по разработке законодательных актов, выработке мер поддержки и программ развития совместной деятельности в сельском хозяйстве России»²⁷. Кроме этого, некоторые владельцы изучаемых ПКК достаточно сильно включены в политическую систему Китая, являясь членами законодательных или консультативных органов. Таким образом, владельцы крупных ПКК, по крайней мере, до настоящего времени, связывали свою жизнь и бизнес более с Китаем, нежели с Россией.

Взаимодействие между китайскими предприятиями может происходить и на полупоформальной и неформальной основе. Оно проявляется во взаимном обмене трудовыми ресурсами, передаче земель в субаренду, попытках

²⁶ Хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй хуэйюань жу хуэй тяоцзянь = Условия вступления в Хэйлунцзянскую ассоциацию сельскохозяйственных предприятий в России – URL: http://www.hljdeny.com/cn_public_html/Apply.Asp (дата обращения: 25.05.2015).

²⁷ Хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй чжанчэн = Устав Хэйлунцзянской ассоциации сельскохозяйственных предприятий в России – URL: http://www.hljdeny.com/cn_public_html/Rule.Asp (дата обращения: 25.05.2015).

выстраивать вертикальные производственные цепочки. Холдинги могут принимать в свой «состав» более мелких игроков на контрактной основе (интервью, управляющий ПКК-3, Приморский край, май 2015 г.).

Исследуемые нами ПКК в основном не стремятся к публичности в России, и только одна из них в последние два года стала завсегдатаем федеральных, региональных и локальных СМИ и обзавелась хорошим русскоязычным сайтом. В России они позиционируют себя как результат успеха российско-китайского сотрудничества - термины «российско-китайский» и «сотрудничество» обязательно фигурируют в их официальных или неофициальных названиях, хотя лишь в одном холдинге есть вероятность участия российского капитала. При этом изучаемые ПКК масштабно представлены в китаеязычном информационном пространстве²⁸.

У ПКК среднего размера существует два важных механизма интеграции в локальные сообщества. Первое – это наём российских граждан в качестве управляющих (генеральных директоров) компаний. Второе – особые отношения с местными властями, о которых мы частично говорили выше.

Назначение россиян на реальные, а не фиктивные управляющие позиции компаний, может показаться продуманным стратегическим ходом, который обеспечивает безболезненное вращение компании в социальное пространство села или города. Но такая «кадровая политика» являлась, скорее, исторической случайностью, которая, тем не менее, обеспечила изучаемым ПКК те позиции, которых они достигли в Приморском крае. Во всех случаях генеральные директора ПКК являлись бывшими торговыми партнёрами китайского инвестора. В одной компании первоначальный управляющий отошел от дел компании в силу состояния здоровья, но на его место пришел его друг, бывший сотрудник местной администрации. Для самих управляющих этот наём условен,

²⁸ Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве: дисс. ... канд. истор. наук. Владивосток, 2015. С. 148–155

они воспринимают его в качестве партнерства, где китайская сторона является поставщиком финансовых ресурсов, а российская обеспечивает их текущее распределение для эффективной работы предприятия. Соответственно, российский директор занимается всей «текучкой», кроме вопросов, касающихся стратегического развития компании и той части деятельности, которая связана непосредственно с Китаем (наём рабочих, лизинг техники и экспорт продукции).

Такого управляющего хорошо знают представители местных администраций, с ним решаются все вопросы. В одном случае руководитель ПКК являлся депутатом районной думы, и после нашего интервью собирался на заседание местного отделения «Единой России». Китайские же собственники малоизвестны в бюрократической среде муниципалитета или села, и, очевидно, даже не пытаются проникать в публичную или политическую. Одновременно нельзя утверждать, что определённые формальные или неформальные связи китайских собственников с руководителями местных администраций полностью отсутствуют. Как минимум, их контакт неизбежен в рамках официальных российско-китайских мероприятий.

Генеральные директора жёстко отстаивали «российскую» идентичность управляемых ПКК: «Оно (*прим. авт.* предприятие) не китайское, оно российское предприятие» (управляющий ПКК-3, Приморский край, июль 2014 г.); «Да и *мы* тоже заинтересованы (*прим. авт.* расширять производство). Китайцы-то тут причём? Я за Родину беспокоюсь, чё мне китайцы?» (управляющий филиала ПКК-3, Приморский край, июль 2014 г.). Безусловно, такие фразы не обязательно произносятся искренне, но сам факт представления бизнеса не китайским говорит о желании не показывать экономическую инаковость предприятия.

Преимущество российского управляющего проявилось в одном из районов Приморья, в сельском хозяйстве которого работали китайский холдинг

и несколько южнокорейских компаний. Местные чиновники выделяли «китайский» и «корейский» подходы к кадровой политике. Второй отличался обязательным назначением граждан Южной Кореи на руководящие должности, но комплектацией низового кадрового состава «русскими». Чиновники были явно на стороне «китайской» модели: «У китайцев все расписано. Вот пошли им просьбу предоставить план посевных площадей, какие семена будут использоваться – всё, к концу дня вам все разложили по полочкам! Корейцы – нет. Они будут вынашивать неделю-две, потом ещё добавляют «ну, возможно, будут изменения, как начальство скажет»... Китайцы очень хорошо пробивают наше законодательное всё, корейцы – вот начинаешь им про отчетность объяснять, они: «а мы этого не знали, объясните нам». Видимо, юристы у китайцев лучше» (интервью, руководитель отдела, районная администрация ПК, сентябрь 2014 г.). Более логичное объяснение различий в кадровой политике все же лежит не в этнической плоскости, а связано с историей развития. Корейские организации, очевидно, не имели такой истории отношений с партнёрами в РФ, которая позволила бы отдать управление российскому директору.

Заключение

Ни российское государство на юге Дальнего Востока, ни компании с китайскими инвестициями не являются однородными явлениями. В докладе мы описали лишь их наиболее характерные черты, отразив, как выстраивается взаимодействие. Между органами российской власти и китайским бизнесом точно не складываются отношения системного противостояния. Их взаимодействие в основном построено на бюрократическом прагматизме со стороны властей и экономическом со стороны китайского бизнеса.

Искаженная картинка, построенная федеральными структурами власти, прежде всего через статистику, компенсируется богатыми знаниями на нижних

эшелонах власти. Проблема заключается лишь в том, что как нередко указывали представители органов МСУ, знания низового уровня не всегда востребованы «наверху». Очевидно, установки либеральной экономической политики Центра, опасение погрузиться в нескончаемое количество деталей и утратить системное видение формируют стратегический взгляд региональных властей на китайские инвестиции. На деле такой подход нередко оборачивается погоней за самыми крупными инвесторами, которые радикально могут изменить развитие региона или как минимум создать «точку роста».

Китайский капитал на юге Дальнего Востока представлен малым/средним бизнесом, поэтому не является предметом опеки региональных администраций. В данном случае интересы государства во взаимодействии с китайским бизнесом представляют органы местного самоуправления. В силу системной дотационности приоритеты последних не лежат в плоскости создания так называемой привлекательной инвестиционной среды. Их задача во взаимодействии с ПКК – во-первых, увеличение неналоговых сборов (через повышение ставки аренды на землю), во-вторых, нерегулярное привлечение материальных ресурсов ПКК для решения социальных задач (сразу оговоримся, что изучение коррупционной составляющей отношений не входило в задачи нашего исследования, поэтому соответствующие оценки отсутствуют в тексте).

Предприятия с китайским капиталом не противятся подобным «посягательствам» со стороны российского государства. Мы могли бы сказать, что у них просто нет выбора. Но ситуация обстоит намного сложнее. ПКК неплохо вплетены в социальную ткань локальных сообществ и являются их неотъемлемой частью. Обеспечивается это за счет того, что все без исключения более-менее успешные и значимые с точки зрения масштабов деятельности ПКК управляются российскими директорами, чаще всего уроженцами тех мест, где ведется бизнес. Именно они являются связующим звеном между интересами китайского бизнеса и интересами российских бюрократов.

Возможно, именно этот факт не толкает ПМК средних размеров выступать с консолидированной позицией при взаимодействии с властями – все проблемы могут быть решены на двусторонней основе конкретной компании и конкретного органа власти.

Объективные ограничения и накопленный за 1990-е – 2000-е гг. опыт лишают местные власти стремления к активным переменам. В сфере «высокой политики» между Москвой и Пекином могут приниматься сколь угодно многообещающие декларации, но на местах знают:

а) За декларациями далеко не всегда следуют реальные дела. Ближайший пример — проект мостового перехода Благовещенск – Хэйхэ, создание которого откладывается более 20 лет.

б) реализация инвестиционных проектов часто не достигает первоначально заявленных целей. Администрации на местах уже привыкли к тому, что иностранный, и чаще других китайский, инвестор рисует радужные перспективы реализации проекта: создание новых рабочих мест, рост налоговой базы и т.п., но в итоге территория часто не получает фактически ничего от его деятельности. Нередко всё ограничивается разговорами и декларациями о намерениях: приезжают делегации, торжественно закладывают «первые камни» и даже обносят территорию забором, но промышленных парков с современными производствами и рабочими местами не появляется. В данном случае показательна история создания китайской компанией Дальневосточного промышленного парка в Михайловском районе. Все интервьюируемые нами чиновники и представители СМИ района не без усмешки рассказывали про ежегодное закладывание камней в этот парк.

в) реальная деятельность совместных предприятий часто отличается от декларируемой, и порой это порождает конфликты с российским бизнесом, требующим равных условий и если помнить, что местные власти и бизнес порой тесно связаны друг с другом, то можно предположить, что создание

привлекательных условий для иностранных инвестиций будет идти часто вопреки, а не благодаря деятельности местных властей.